

Глава 2

ЭТИКИ ТАЙГИ: ЭВЕНКИ СЕВЕРНОГО БАЙКАЛА МЕЖДУ ПОЗИТИВИЗМОМ И ЛОКАЛЬНОЙ СТРАТЕГИЕЙ МИНИМУМА

Весь комплекс отношений с тайгой, характерный для местного населения Северобайкальского района, часть которого составляют эвенки, и, бесспорно, имеющий свою уникальную историю и жизнь, невозможно охватить даже частично, если ограничить понимание предмета с позиций одного направления в социальных науках. Изучение лесного пространства и повседневных отношений человека и леса должны быть предметом междисциплинарного взгляда. В данной главе не ставится амбициозная задача полномасштабного описания отношений человека с лесным ландшафтом, но предлагается рассмотреть процесс формирования современной лесной этики и ее роль в повседневных практиках эвенков как одну из важнейших составляющих отношений человека и окружающей среды. В главе рассмотрены различные этики тайги, динамика построения отношений с тайгой в колониальном и постколониальном контекстах.

Социология, социальная антропология и гуманитарная география предлагают свой взгляд на один и тот же предмет. Ученые, представляющие различные дисциплины, по-разному говорят об одном и том же, предлагая всевозможные концепции, основанные на полевых материалах и разнообразных методологиях, что делает предмет исследования более ярким и сложным. Процесс формирования энвайронментальной этики включает и сферу политики, проектирования менеджмента использования природных ресурсов, локальные принципы взаимодействия с окружающей средой и индивидуальный уровень восприятия. В данной главе предлагается рассмотреть, как все вышеуказанные уровни взаимодействуют и конкурируют между собой на Северном Байкале. Официальные концепции природопользования и лесной политики неизбежно сталкиваются с локальными представлениями и этиками, которые

нередко вытекают из совершенно других оснований и предлагают свое видение того, как именно должны строиться отношения между человеком и окружающей средой. Разумеется, данный подход не является новым в исследовании отношений человека и окружающей среды. Однако в этой главе предлагается рассмотреть динамику локальной лесной этики, которая особым образом вовлекает «официальную этику» в систему локальных социальных отношений с окружающей средой. В главе ставится вопрос о переосмыслении подходов к отношениям между локальным сообществом, окружающей средой и теми, кто принимает политические решения в этом вопросе. Предлагается посмотреть на процесс принятия решений, основанный на позитивистски ориентированных данных, — в данном аспекте не учитываются другие этики и практики, свойственные локальному сообществу. Если для научной традиции характерен методологический перелом, то для политических практик пока позитивистская методология остается лидирующей. В главе предлагается посмотреть на столкновение разных точек зрения на отношения человека и окружающей среды, делается попытка показать, что необходим более тщательный анализ контекста, в котором голоса локального сообщества должны звучать сильнее и увереннее.

В контексте Северного Байкала лес невозможно классифицировать как исключительно жизненно важный ресурс локального сообщества, коим он, бесспорно, является. Тайга — это еще и опыт, история, эмоции. Лесная этика включает не только мастерство, но и идентичность и принципы: иными словами, это пространство творчества и жизненного мира.

Полевые материалы, на которых построена предлагаемая глава, собраны в селе Холодное Эвенкийское (Северобайкальский район, Республика Бурятия), где автор работал в течение десяти месяцев в 2007–2008 годах и один месяц в 2009 году. Село Холодное располагается в 50 километрах от города Северобайкальска и в 17 километрах от районного центра Нижнеангарск. Всего жителей вместе с поселениями Туртукит и Душкачан 422 человека (данные поселковой администрации 2007 г.). Рабочие места в деревне распределяются между школой, детским садом, администрацией, кочегаркой, библиотекой и домом культуры (клуб). Основную часть доходов составляет таежный промысел (охота, рыболовство, собирательство).

Ландшафт творимый и творящий

Деятельность человека по отношению к окружающей среде, интерпретации последствий этой деятельности и глубокие отношения между человеком, сообществом, обществом и окружающей средой, как уже упоминалось, — предмет интереса разнообразных социогуманитарных дисциплин, фокусов и методологий. Так, энвайронментальная социология направлена на изучение связей между властными структурами, процесса принятия решений относительно использования или сохранения окружающей среды [King, McCarthy 2009]. Амбиции данной дисциплины предполагают прямое вмешательство в политические процессы, так как аудитория энвайронментальной социологии — это в первую очередь экологические активисты, политики, академики.

Энвайронментальная социология рассматривает проблемы окружающей среды как результат воздействия антропогенных факторов, анализируя статистические данные преимущественно разрушительного характера, а также вопросы законодательства и экономические проблемы. Все вышеизложенное так или иначе связывается с проблемами властных отношений, социального неравенства и уровнем демократии и не рассматривается как сугубо индивидуальные проблемы [Ibid.]. Соответственно вопрос о том, кто принимает решения и на чем ответственные лица основываются в процессе принятия решений, является одним из ключевых в социально-экологическом анализе.

В социальной антропологии концептуализация ландшафта и его культурных интерпретаций — центральная тема в изучении отношений человека и окружающей среды, особенно если речь идет о взаимоотношениях коренного населения и окружающей среды, а также о различных формах взаимодействия с таковой. Антропологи большее внимание уделяют гуманитарному осмыслению природного ландшафта, где человек продуцирует систему смыслов и значений, далеких от позитивистски ориентированного подхода к ландшафту как всего лишь к емкости, наполненной природными ресурсами, которые необходимо извлечь и оптимально использовать.

Свобода прогресса ограничивается иным отношением к природе и ландшафту, который обретает личность, сходную с человеческой (personhood). Ландшафт возникает не только как объект

эксперимента и результат человеческой деятельности, но и как творящая субстанция, способная самостоятельно принимать решения. Данный подход в антропологии получил широкую известность в основном благодаря работам Джулии Круикшанк [Cruikshank 1992, 1998, 2000]. В ее работах отношения индейцев Юкона с ландшафтом (особенно с ледниками) строятся на отличном от научного и логического (в позитивистском ключе) осмыслении природы и использования природных ресурсов. Ландшафт для индейцев на Юконе обладает способностями человека: он дышит, ощущает запахи и реагирует на действия людей. Ландшафт, таким образом, является продуктом различных форм знания, различной этики и восприятия.

В гуманитарной географической науке парадигматический подход берет свое начало в 1950-х годах, когда возникают пространственная наука, быстро набирающая оборот, и превосходящая региональную позитивистская традиция [Aitken, Valentine 2006: 2]. Позитивистский подход удерживает свои позиции двадцать лет и сходит на нет в 1970-х годах: на его место приходят другие теоретические течения, такие как поведенческая география (behaviorial geography), гуманистическая география (humanistic geography), а также радикальные подходы, включающие марксизм и феминизм, и наконец, в 1990-х годах парадигматическая перспектива направляется в сторону постструктурализма как альтернативного принципа мышления [Ibid.].

Появляются новые взгляды на взаимодействие людей в окружающей среде, на первый план выходит разнообразие, которое является социально зависимым, например: «Марксизм привнес проблему класса и власти вместе с более богатым осмыслением производства и пространственного разделения труда, неравномерного развития и потребность в помещении нашего понимания пространства в историко-временной контекст. Марксизм проиллюстрировал, что география не может быть понята отдельно от социальных структур и от того, как организованы ресурсы, возможности и ограничения для различных групп. Марксизм, в целом, поднял вопрос об этических обязанностях, направленных на неравенство и несправедливость» [Warf 2006: XXV].

Помимо вопросов неравенства и несправедливости, классовой борьбы, в отношении к окружающей среде «Маркс (и Энгельс) был одним из ранних адвокатов органического метода в производстве продуктов питания. Например, он довольно много писал о преиму-

ществах удобрения земли, в том числе предлагая стратегию переработки городского мусора, который вместо того, чтобы загрязнять реки и океаны, мог послужить во благо качественному улучшению сельскохозяйственных угодий» [Hannigan 1995: 9].

Позитивизм с его стремлением к точности и применению строгих научных методов естественных наук, эмпирически фиксируемых данных, к пониманию социальных феноменов отвел географическую науку от так называемого эмоционального романтизма и регионализма, характерного для XIX столетия. Данный строгий и систематичный подход, основанный на жесткой верификации и логической рациональности, обещал более точное объяснение и прогнозирование социального поведения [Kitchin 2006: 20].

Географическая наука до 1950-х годов была описательной дисциплиной, стремящейся изучить паттерны и процессы, характерные для конкретного региона, понять их место. С начала 1950-х годов все большее количество географов ратовало за введение естественно-научных критериев как основополагающего метода объяснения законов и процессов, где география сменила идеографическую (описательную) направленность на номотетическую (законопроизводящую): таким образом, под воздействием количественной революции география претерпела значительные методологические изменения [Ibid.: 22].

Данная перспектива рассматривала людей как исключительно рациональных существ, лишенных других социальных измерений, таких как идеология и традиция. Основная критика позитивизма в географии касалась узости предлагаемой строго научной модели. Индивиды и общества в их отношении с окружающей средой гораздо более сложны и разнообразны. Они принимают решения, руководствуясь спектром причин и смыслов, которые не обязательно ограничиваются рамками «оптимального» и сугубо «рационального». Данная тенденция характерна не только для гуманитарной географии, но и для социологии. До сих пор остается актуальным вопрос о «научности» и «целесообразности» подхода.

Озава следующим образом раскрывает принцип позитивистской методологии и причины ее влиятельности на энвайронментальную социологию: «Принципиальной чертой популярной концептуализации науки являются жесткие методологические предпосылки». В соответствии с философией науки, доминирующей в 1960-е годы и известной как логический, позитивистский эмпири-

цизм, Озава в основном предлагал посмотреть на тестирование истины как на процесс, вызванный экспериментальными находками [Ozawa 2009: 248–249]. Исследователи Хискесы [Hiskes, Hiskes 1986: 10–11] пишут, что логический позитивистский эмпирицизм предполагает следующее: «1) Данные, полученные опытным путем и наблюдением, являются объективными; 2) существует только одна универсальная логика, валидная для науки; 3) путем аккуратного применения логических данных наука постепенно прогрессирует в сторону древнегреческого идеала теории. В соответствии с вышеизложенной точкой зрения данные не подвергаются сомнению и остаются неизменными. Наблюдение одного и того же явления даже двумя рациональными индивидами будут идентичным. Данные собираются путем повторения тех же самых событий, которые в конце концов ведут к развитию общей генерирующей теории и абстрактной концепции принципов, объясняющих разнообразные феномены. Логика линейна и однонаправленна. Короче говоря, данная точка зрения подразумевает, что продукт научной деятельности, полученный посредством применения строгой методологии, является абсолютной, не подвергаемой сомнению истиной».

Краткий экскурс в позитивистскую методологию, особенно ее соотношение с гуманитарной географией, приводится здесь не случайно. Мы упомянули данную дискуссию с целью показать, как позитивизм (скрытый или явный) остается генерирующим фактором формирования так называемой «бумажной лесной этики» на Северном Байкале. «Бумажная этика» — это неизбежные отношения локального сообщества и индивида с государством и законом, опосредованные документально закрепленными решениями. Правила природопользования и ресурсного менеджмента — это сфера законодательства, а следовательно, и сфера властных отношений, где соблюдение установленных правил является аксиомой. Неудивительно, что «бумажная этика» строится прежде всего на статистических данных, доверяя позитивистскому анализу как научному, а стало быть, отражающему верную картину происходящего.

«Бумажная этика» основывается на строгих и точных данных о природных флуктуациях, климатических изменениях и особенностях поведения животных. Именно она диктует, как следует и как не следует поступать в том или ином случае, что является правильным для данного региона, как и в каких масштабах нужно использовать природные ресурсы региона, какие санкции следует применять при

нарушении установленного регламента. «Бумажная этика» — это договор властей и местных жителей о предмете использования природными ресурсами и охране окружающей среды. Однако данные, на которых основывается договор, есть результат строго «сциентического подхода», где человек рассматривается либо как априорно враждебный окружающей среде актор, либо как исключительно рациональное и абстрактное существо.

Правила, вне всяких сомнений, являются абстракцией. Но если позитивизм подвергается столь громкой критике, особенно когда речь идет о взаимодействии человека, локального сообщества и окружающей среды, то почему же нет более глубокой рефлексии источника информации, на котором строится система правил, экополитическая система? Так ли безальтернативен позитивизм для современных экологических менеджеров, что другой взгляд на проблему покажется неприемлемым, субъективным и бездоказательным?

В гуманитарной географии альтернативой позитивизму выступает регионализм, берущий начало еще с работы французского географа Поля Видала де ла Блаша, который показал, что люди в ходе своего распространения и передвижения изменяют и создают ландшафт [Blanche 1926]. Для гуманитарного географа в целом, как и для антрополога, важно разобраться в процессах «культурного конструирования места и ландшафта, картографирования повседневной жизни, а также важно осмыслить силу языка и значения, которые меняют окружающую среду, связь места и идентичности, религиозного символизма и ландшафта, а также географических мифов и нарративов» [Leu, Samuels 1978; Adams et al. 2001; Entriken, Tepple 2006: 30]. Гуманитарный поворот в географии приходится на 1970–1980-е годы: «Для данного движения скорее характерны отрицание и критика позитивистской географии, нежели аргументация того, что оно собой представляло — остатки регионализма и описательного метода. Изучение регионов и ландшафтов фокусировалось не только на индивидах как основных акторах, но еще и вовлекало ресурсы географического разнообразия повседневной жизни социальных и культурных групп. Новое течение выступало за понимание географических агентов не как ищущих материальной выгоды, но как моральных и культурных существ» [Ibid.].

Итак, данная перспектива представляет индивидов и группы как имеющих воображение и контекст. В фокусе исследователь-

ского интереса возникает видение, которое является уникальным и творящим окружающую среду и культурный ландшафт. Так, географ Д. Косгров пишет: «Географические элементы являются одновременно и материальными, и воображаемыми. Они формируют физический земной ландшафт в соответствии с человеческим целеполаганием, вытекающим из практического существования, и представлениями о полноценной жизни. Географические репрезентации в виде карт, текстов и разнообразных изображений и то, как выглядят сами ландшафты, — не просто ресурс для объективного, лишённого интереса любопытства географической науки. Они активные составляющие элементы в процессе формирования социальных и пространственных практик и окружающих сред, которые мы занимаем. Непосредственное чтение ландшафтов или же обращение к изображениям и текстам как свидетельствам человеческой деятельности есть честный вклад в культурную географию, в понимание человеческих целей познания мира и понимания самих себя и изучаемой жизни» [Cosgrove 2008: 15].

Понимание контекста репрезентации для географии, как и для антропологии, выходит на первый план. Ландшафт становится не просто природной данностью, содержащей некие объективные природные законы, изучив которые человек может подчинить природе и контролировать ее динамику. Ландшафт приобретает индивидуальность и мораль, он становится объектом повседневного творения заинтересованных индивидов, жизнь которых неизменно связана с местом. География также неотделима от политики, социального воображения и повседневного опыта, как и все, что связано с деятельностью человека и результатами этой деятельности.

Таким образом, феноменологическое осмысление отношений человека и окружающей среды предлагает сосредоточиться на опыте как ключевом методологическом основании. Опыт каждого индивида — это уникальное явление, достойное серьезного рассмотрения. С точки зрения данного подхода географическое место обладает идентичностью и аурой, оно постоянно стимулирует к осмыслению новых опытов и процессов и не позволяет рассматривать пространство как само собой разумеющуюся данность [Tuana 2001]. Классический подход Туана предлагает рассматривать ландшафт как продукт смысла и воображения, где, как за естественными элементами ландшафта и архитектурой, скрываются истории и самые разные значения. Ландшафт, таким образом, состоит из этих значе-

ний и смыслов, вплетенных в природные и культурные элементы. Туан рассматривает опыт как комплекс чувств, восприятий, концептуализаций, эмоций и мыслей [Ibid.].

Ландшафт есть концептуальное выражение мировоззрения, и ряд научных дисциплин предлагает свои многочисленные взгляды и теории ландшафта, что становится, как считают Лейтон и Уко [Layton, Уско 1999], все более модным и требующим этики сохранения, монументизации сакральных ландшафтов аборигенных народов. Сакральные места выступают объектами сохранения традиционной культуры коренных народов и их социальной памяти.

Для социальной антропологии понимание ландшафта связано с толкованием близких отношений (*intimate relationships*) между окружающей средой и повседневным опытом коренных народов, их пониманием и восприятием. Природа не возникает как объект покорения, но как динамичный процесс, как феномен, наделенный смыслом. Социология, социальная антропология и гуманитарная география в целом имеют общие философско-методологические основания. Теоретические перемены и дискуссии относительно проблемы человека, общества и окружающей среды — это контекст эпох и хронология истории науки, в отношении которой ни одна из дисциплин не осталась равнодушной и безучастной. Если для естественных наук поиск истины, основанный на единственной логике, — это нормальное состояние, то для социогуманитарных наук позитивизм не оправдал те ожидания, которые на него возлагались. Человек многомерен, и отказ от многообразия его повседневных измерений лишь заведет в тупик любую попытку понять, как человек смотрит на мир, какими принципами он руководствуется, принимая решения, и какими смыслами он наделяет мир, в котором живет.

Здесь мы преследуем цель не поставить под сомнение позитивизм как методологию, но показать, как менялось видение научных дисциплин и как эти перемены слабо замечаются теми социальными группами, которые в конечном счете принимают важные решения, апеллируя к научному знанию как панацее. На примере своей полевой работы и работы с рядом источников мы демонстрируем, как позитивистски ориентированный взгляд, наделенный ресурсом власти, сталкивается с чуждой для него локальной логикой, которая воспринимается не как логика, но как этика, иррациональная и враждебная позитивистской идее сохранения окружающей среды. В данной главе мы попытаемся продемонстрировать, что логика

может быть нелинейной. Научное знание в социогуманитарном поле должно восприниматься как инструмент, облегчающий понимание, но не как безальтернативная истина, основанная на неизменяющихся данных.

Ландшафт творимый — победа чистой идеи прогресса и власти человека над природой. Нередко под этой властью неявно подразумевается и колониальная идеология. Власть, основанная на «знании истины», имеет полное право рассчитывать на полномочия менять мир (природный и социальный) к лучшему, не принимая в расчет иные смыслы, чуждые линейной логике.

Ландшафт творящий — взгляд изнутри локального сообщества, взгляд людей, у которых сложились свои отношения с окружающей средой, не всегда доступные пониманию людей, разделяющих принципы логического позитивизма. Именно ландшафт творящий — ключ к пониманию спектра локальной экологической этики и сложных социоэкологических и дискурсивных процессов, связанных с культурой и повседневностью местного населения Сибири, в данном случае — северной части озера Байкал.

Тайга как зона неизвестного: этика покорения и «сталкеры» тайги

Понимание тайги как зоны полной неизвестности, которую необходимо понять и покорить, типично для времени (условно) от эпохи «первого контакта» русских с тунгусами до позднесоветского периода, который может быть охарактеризован как «эра каюров». Позитивистское отношение к окружающей среде основано на абстрактном целеполагании и принципе оптимизации, подчиняющем себе все другие опыты и переживания, базирующиеся на разных формах отношений с окружающей средой. В зарубежной антропологии отличные от позитивизма отношения с окружающей средой известны как «чувствующая экология» (*sentient ecology*) [Anderson 2000a].

Однако таежный дискурс предполагает более широкий взгляд на ландшафт — как на персонифицированный и одухотворенный объект, нередко самостоятельно принимающий решения. Таежный ландшафт также представляет собой уникальное политическое измерение, где романтизм историй о первопроходцах, землепроходцах коррелирует с престижем и интерпретациями локального знания

эвенков, освещенного в архивных источниках, литературе и кинематографии. Кроме этого, престиж таежного профессионализма отражается в устных воспоминаниях и интерпретациях современных жителей эвенкийской деревни Холодная.

Любая колониальная история неотделима от позитивистской географии, поскольку отношения с окружающей средой строились по принципу власти—подчинения (контроль человека над природой: чем выше уровень контроля, тем мощнее цивилизация), а отношения с коренными народами предполагали гегемонию [Gramsci 1971, 2000], то есть добровольное согласие с режимом и отсутствие искреннего желания политических перемен. Я бы назвала подобную тенденцию «гегемонией эпохи», поскольку этот взгляд на природу и отношение к коренному населению был характерен и для западных исследователей (вплоть до 70-х годов прошлого века, когда, как было отмечено выше, началось переосмысление гегемонии позитивизма в гуманитарной географии).

Например, исследователь Холл, изучавший тунгусов нижнего бассейна реки Енисей в начале XX столетия, придерживался колониальной логики и предлагал западную властную модель, предполагающую тотальный контроль над природой [Hall 1918]. В соответствии с его логикой ландшафт западного человека возникает вследствие желания изменить природу ради удовлетворения потребностей, тогда как ландшафт индигенного населения является, напротив, результатом человеческого бессилия и примирения с природными стихиями ввиду неспособности справиться и манипулировать ею. В результате возникает ландшафт воображения и примирения, то есть человек адаптируется к природным условиям путем подчинения и представляет подобную стратегию естественной и верной: «Если человек не в состоянии модифицировать то, что его окружает в соответствии со своим вкусом, то, вероятнее всего, он создаст воображаемое царство, место фиктивного благополучия, где он сможет обрести отдых от гнетущих реальных условий» [Ibid.: 1].

Данный подход подвергается серьезной критике современными антропологами и гуманитарными географами и рассматривается как исключительно колониальный взгляд на жизнь людей и их отношения с окружающей средой. Современный дискурс «детей природы», относящийся к коренным народам Севера России, особым образом отражает позитивистский подход. В целом, «дети природы»

как в узком академическом дискурсе, так и в более широкой аудитории ассоциируются со слабой адаптивной способностью к высокоурбанизированным средам. Подобный взгляд на коренные народы Севера подвергался критике со стороны антропологов [Karjalainen, Nabesk 2004; Bloch 2005]. Если для современной западной антропологии важно рассмотреть формы индигенного знания, его повседневного применения и причины его возникновения, то для российской этнологической традиции в большей степени характерно рассмотрение адаптации к окружающей среде, где нередко «дети природы» появляются как экзотичные люди, живущие в гармонии с природой.

Таким образом, позитивистский взгляд охватывал не только окружающую среду, но и коренные народы. Как в западной, так и в российской научной традиции эвенки наряду с другими коренными народами Севера воспринимались как неотделимые от природной среды люди, неспособные справиться с природной стихией, покорить ее. Локальное знание, отношения с окружающей средой, характерные для локального сообщества, в итоге оставались вне поля зрения.

Ландшафт творимый — процесс в рамках позитивистской этики, где только человек выступает в роли принимающего решения актора. Она основывается на классификации и эксперименте, здесь творческий процесс — это воплощение в жизнь проекта и воображения, подчинение природной стихии человеческому разуму, который картезиански отделен от всего остального. Ландшафт сотворенный — пассивная форма, подчиненная человеку, не наделенный смыслом экспериментальный полигон.

Тайга как зона неизвестного и тунгусы как люди, населяющие эту зону и активно пользующиеся ею, впервые упомянуты И. Г. Георги [1777: 43], который отметил, что в тайге без проводника обойтись невозможно ввиду того, что непосвященный мог легко стать жертвой многочисленных ловушек для зверей, искусно расставленных тунгусами по всему лесу. Лес, таким образом, представлен как зона неизвестной деятельности неизвестных людей.

Колониальная политика берет свое начало с перераспределения акцентов в освоении таежного пространства: вместо того чтобы понимать, каким образом функционирует локальная форма знания эвенков, вновь прибывшие русские (эв. *лючи*) предпочли установить свой порядок. Они воспользовались услугами эвенков как про-

водников не столько в таежном пространстве, сколько в системе иных знаков, значений и смыслов. Впоследствии колонизаторы отринули эту систему как отсталую и «дикую», то есть нуждающуюся в реформации и недостойную глубокого понимания и тем более использования. Колониальная политика — это всегда «колонизация сознания» [Comaroff, Comaroff 1991], но не конкуренция и не сосуществование систем знания в дискурсивном плане. В повседневности при столкновении разных форм знания возникают культурно-синкретичные феномены, и риторика колониализма может быть неуместной.

Позитивистская логика признает лишь этику покорения, даже на личностном уровне она остается лидирующей. Вспомним советский художественный фильм «Злой дух Ямбуя» (1977), снятый по мотивам произведения писателя и геодезиста Григория Анисимовича Федосеева [1966], посвятившего свое творчество художественному описанию жизни эвенков. Разумеется, данное произведение многомерно. В нем заключается и советская перспектива товарищеской взаимопомощи, которую эвенки оказывают геодезистам, и, наоборот, атеистическая этика преодоления «традиционных суеверий», и личные сомнения перед лицом природной стихии, где страх должен быть преодолен силой воли советского испытателя. Все это может быть проанализировано с точки зрения советологии и ряда других дисциплин, поскольку контекст произведения действительно очень широк. Здесь лишь предлагается сфокусироваться на отдельной грани этого произведения, где позитивистская этика четко демонстрирует идеологическую направленность: не тайга является зоной неизвестного, но сознание и мышление ее обитателей — эвенков.

Сюжет произведения можно охарактеризовать как таежный детектив. Около гольца Ямбуя по непонятным причинам пропадают люди: и геодезисты, и эвенки. Цель главного героя — разобраться в происходящем и остановить череду смертей. Знание эвенков представлено как мир неизвестный и архаичный, а задача советского ученого — освоить этот мир, понять его и сделать себе подобным, во благо людям. По ходу повествования становится ясно, что не столько тайга есть объект освоения, сколько образ мышления эвенков. Подобный образ мысли может легко увлечь в темные сферы суеверия, но задача советского человека — путем логических измышлений дойти до истины и показать, что сила логического мыш-

ления есть самый верный инструмент покорения, который рано или поздно поможет одержать верх над природной стихией и иррациональными представлениями, открыть истинное знание и принести благополучие.

Экзотичный образ эвенков в этом произведении строится на архаике, не выдерживающей натиск новой эпохи, основанной на идеях всевластия человеческого разума. Федосеев, столкнувшись со стойбищем эвенков, восклицает: «Вот они, лесные люди, прошлое этой земли!» Несмотря на то что люди, с которыми сталкивается Федосеев, живут в одном с ним времени и пространстве, он определяет их место в далеком прошлом, которое по неясным причинам задержалось на этой земле. Данное представление было распространено и ранее в академических этнографических кругах конца XIX — начала XX века. Например, Богораз [1901] писал о так называемых «этнографических группах» или «гиперборейских народах», поняв текущую жизнь которых можно почерпнуть достоверные знания о прошлом «цивилизованного» человека.

Вернемся к произведению Г. Федосеева. Познакомившись с престарелой Лангарой, Федосеев сталкивается с иной философией жизни в лесу, и это увлекает его в бесконечный спор о том, что именно человек является всемогущим хозяином леса, подчиняющим своей воле природную стихию, но никак не духи и одухотворенная природа. Диалоги Федосеева и эвенкийки Лангары постепенно затрагивают все более сложные измерения отношений между эвенками и *луча* (*лючи*), отношения с тайгой. Риторика Федосеева основывается на диктате новой эпохи прогресса, логика Лангары — на необходимости понимать тайгу в каждодневных трудностях, не отказываться от того, что она может дать человеку, даже если на первый взгляд человек не видит всего богатства, каким обладает тайга.

Г. Федосеев пытается убедить собеседницу в своей правоте: «Но согласись, Лангара, новое время своего требует. Детям надо учиться не только в интернатах, но и в институтах, чтобы делать жизнь лучше. Ты сейчас не станешь добывать огонь, как твой дед, у тебя есть спички. Ты давно не охотишься с самострелами. А радио в чуме?! Такое твоей бабушке и не снилось! А твои внуки, может, молнией повелевать будут и станут ездить на нартах-самокатах. Чего доброго, и на луну полетят!» [Федосеев 1976: 40].

Старая Лангара не может возразить собеседнику, используя его же инструмент убеждения, поскольку линейность позитивистской

логики отвергает другие формы аргументации, однако она делает последнюю попытку. Путем согласия и лояльности высказанному она старается донести то, что никак не хочет услышать ее собеседник: «Ты правду говоришь. Может, и эвенки полетят на луну, да не там их родина. Кому бросишь тайгу, оленя, зверя? Амакану (эв. медведь, хозяин леса. — В. С.) отдашь? Помни: лесная птица не сделает гнезда на болоте. Место эвенка тут, где лес, сокжой, белка. Пусть эвенков хорошо учат, как лючи, однако и в интернате им надо постоянно говорить, как следить соболя, делать ловушки, бороться с пургою, голодом. Детям будет хорошо от этого, и тогда пускай ходят на луну, да все равно в тайгу вернутся жить... Говорю, их не причают жить в тайге, другую пищу дают, и они след волка путают со следом собаки, своего оленя не могут найти в стаде, нарты не умеют делать. А без этой мудрости наших предков они не станут сильными, ветер будет носить их куда захочет. Они не справятся с тайгою. Да и зачем тут такие люди!» [Там же: 40, 50–51].

Диалоги Федосеева и Лангары представлены как диалоги между двумя мирами. Колониальный подтекст произведения становится очевиден в интерпретациях, которые дает автор, находясь наедине с самим собой. Он пытается не осмыслить то, что говорит ему пожилая эвенкийка, но вписать ее рассуждения в известный ему универсум смыслов: «Лангара родилась и прожила всю свою жизнь в зарослях заболоченной тайги, ее представление о мире ограничивается видимыми горными кряжами да топкими марями, по которым эвенки кочевали с оленями. Она верна старому, обычаям предков, но новое, что пришло к лесным кочевникам после революции, не отвергается ею. Нет. Однако непривычные, никогда раньше не возникавшие мысли пугают ее новизною. Она хочет разобраться, докопаться до истины, переживая смутную тревогу за судьбу детей» [Там же: 40].

В итоге, даже понятия логически, причины исчезновения людей на гольце Ямбуи, в конце концов признанные всеми героями произведения, не были достаточно вескими для старой Лангары, чтобы отказаться от веры в духов, населяющих тайгу, в данном случае — злых. Г. Федосеев спрашивает Лангару, когда выясняется, что это не что иное, как медведь-людоед «скрадьвает» людей: «А как же с Харги? Ты же меня убеждала, что на Ямбуе злой дух и что это он посылает людям несчастье». На что Лангара уверенно отвечает: «Э-э! Не говори так. Мы еще не знаем, где стоит чум злого духа и кто

толкает амакана кушать людей. Сам амакан не догадается. Это я тебе правильно толмачу» [Там же: 169].

В деревне Холодная экранизация этого произведения Федосеева оказала свое влияние на идентичность местных жителей. Однажды я рассматривала личный фотоальбом Прасковьи Платоновой, и мне попала фотография ее внука, которую он прислал ей из армии, на оборотной стороне фото было написано: «Я злой дух Ямбуя». Прасковья пояснила, что молодой человек пошутил таким образом, поскольку был увлечен фильмом и таежной романтикой, как и его друзья. Это событие обусловило мой интерес к данному фильму и его роли в Холодной, и я предложила Антонине Саканиной и Алексею Попову, с которыми во время полевой работы в Холодной в 2007–2008 годах я жила по соседству, посмотреть фильм еще раз и прокомментировать его (рис. 7).

Комментарии Антонины и Алексея в основном касались действий и диалогов с участием героев-эвенков. Фильм удивительно преобразился в высказываниях моих собеседников. Главным героем для них стал глухой старик Карарбах, который в романе и фильме

Рис. 7. Антонина Саканина и Алексей Попов смотрят фильм «Злой дух Ямбуя» на ноутбуке. Холодная, Северобайкальский район, Республика Бурятия, лето 2007 года (фото В. В. Симоновой)

помогает Федосееву отыскать злого духа Харги в образе медведя-людоеда. Антонине и Алексею старик Карарбах показался очень похожим на Аркадия Лекарева из Холодной, который был в поселке уважаемым человеком, знающим тайгу. Каждый раз, когда герой Карарбах появлялся на экране, Антонина восклицала: «У ты, моя-то! Ну прямо, как наш дедушка Аркаша!» Сам Федосеев лишь подчеркивает разницу между опытом эвенков-таежников и нерасторопных геодезистов, которые постоянно нуждаются в помощи первых. То, что для Карарбаха и Лангары очевидно, требует детального объяснения для геодезистов. Если для эвенков героев фильма тайга — это давно освоенное пространство, в котором они чувствуют себя как дома, то для пришлых геодезистов — это рабочая площадка, где им постоянно нужны помощь и информация. Если даже у эвенков возникают сомнения по поводу природы явления, с которым столкнулись все герои фильма, то геодезист тем более не может представить картину полноценно и нуждается в поддержке эвенков.

В фильме нет плохих героев (за исключением медведя-людоеда), и каждый демонстрирует готовность прийти на помощь любому нуждающемуся в ней человеку. Однако столкновения двух мировоззрений (диалоги Лангары и Федосеева) оценивались моими собеседниками как, с одной стороны, расположение Лангары к добросердечному чужаку и, с другой стороны, как неумение оценить по достоинству это расположение и попытаться понять человека, который знает тайгу гораздо лучше. Несмотря на то что герои-геодезисты сталкиваются с отличной от них философией тайги, они не пытаются понять ее, но продолжают настаивать на своем. В голосе моих собеседников картина меняется, и вместо советских героев первопроходцев и их экзотичных спутников на экране появляются опытные эвенки-таежники, с легкостью распутывающие таежные загадки, и беспомощные *лючи*, которые, несмотря на техническое оснащение, не способны понять простых вещей.

Подобные интерпретации на сегодняшний день входят в поле зрения социальной антропологии индигенного знания. Столкновение различных концепций и взглядов в колониальном контексте показывает динамику отношений, в данном случае — между эвенками, русскими и таежным экологическим контекстом. Разные концепции жизни в тайге предлагают разные сценарии социального развития. В произведении Федосеева ясно прослеживается линия технологического романтизма, где овладевший секретами природы

человек сам достигает невероятного прогресса и стремится все к новым вершинам знания. Цель советского природного менеджмента — это эвенки, управляющие молнией, летающие на луну и передвигающиеся по просторам тайги на лыжах-самокатах. Иными словами, эвенки в конце концов должны прийти к советскому идеалу человека, свободного от природных стихий. Человека, который не зависит от природной динамики, но управляет ею во благо себе, абстрактному знанию и обществу. Все это в перспективе должна обеспечивать советская идеология, которая является максимально приближенной к желанию человека стать свободным от предрассудков и построить новую лучшую жизнь.

Для эвенков, с которыми и вступает в спор Федосеев, знание — это не абстрактная категория, но отношение с окружающей средой. Идея прогресса не отрицается героями, но и не рассматривается как доминанта в отношениях «человек—природа». Этика покорения замещается этикой понимания, где роль человека посредством преодоления трудностей направлена на обретение знания. Если этика покорения обращена к облегчению жизни человека в тайге, то локальная этика понимания, напротив, рассматривает облегчение жизни человека в лесу как «бомбу замедленного действия», от которой сам человек впоследствии и пострадает. Трудности жизненно необходимы для становления личности, на которую могут положиться все члены локального сообщества. Прогресс как раз и страшен тем, что он призван элиминировать трудности в тайге. Облегчение жизни приносит мнимое ощущение всевластия человека над природой. Тогда как переживание лишений и преодоление препятствий день ото дня дают больше пищи для размышлений, закаляют характер и пригодятся человеку в лесу в ситуации, когда он окажется один на один со стихией.

Этика минимума как локальная стратегия жизни в лесу против логики перспективного развития региона

Однажды летом Олег Ганюгин взял меня с собой на покос. В покосе также ему помогал младший брат Николай, а руководил процессом их отец Виктор Алексеевич. Вечером после трудового дня Николай развел костер, и мы сели ужинать. Вечерело. На темном небе стали появляться звезды, и движение спутников над тайгой неожиданно привлекло внимание Николая и Олега. Разговор

плавно перешел на тему технического прогресса последних лет. Николай подкинул дров в костер и сказал:

«Много спутников, сотовая связь, как далеко ушло человечество. А если все это вдруг взять и убрать? Все будет парализовано, современный человек уже не может без всего этого. Я слышал, если начнется война, то в первую очередь атака будет направлена на связь, все виды коммуникаций будут заблокированы. И с чем мы останемся? Только со старой радиосвязью, с ней-то ничего не случится. А если люди не будут знать, как выжить без современной техники, они просто погибнут. Здесь у нас есть большое преимущество. Мы не избалованы слишком всем этим и знаем, как выжить в лесу, имея минимум ресурсов. Ведь мы до сих пор пользуемся теми же консервами, спичками и портянками, что и наши дедушки во время Второй мировой войны. Это практично и удобно. А вся эта техника хороша до поры до времени. То, что мы помним и знаем, не даст нам погибнуть».

Слова Николая и отец, и брат встретили с одобрением. Каждый стал рассказывать истории о том, как людям удавалось выжить в тайге, имея лишь минимум, которого было бы явно недостаточно для избалованного горожанина. Подобные истории отнюдь не эксклюзивны для жителей Холодной. Истории, посвященные способностям местных жителей, которые, имея минимум средств, могут выжить в лесу, распространяются и на способность выжить в современном мире.

Минимализм приветствуется в школе на уроках экологии и выживания в лесу. Молодые холоднинцы должны прекрасно ориентироваться на местности и уметь обходиться скудными ресурсами. Победы молодых холоднинцев на различных спортивных соревнованиях являются предметом особой гордости учителей. Так, ученик холоднинской школы Александр Ганюгин однажды сказал: *«Мы должны были развести костер с помощью одной спички и открыть консервную банку, не имея консервного ножа, и еще много всякого такого. Конечно, наши ребята быстрее нижнеангарских на разных соревнованиях. Мы привыкли так жить».* То, что молодые люди добиваются успехов, часто соотносится с тем, что у них нет дорогостоящего современного спортивного инвентаря, применение которого ориентировано на извлечение максимального результата (максимальной скорости, максимальной безопасности и максимального варьирования). Однако сила молодых холоднинцев в том, чтобы, имея минимум, извлечь максимум из знаний ландшафта и пережи-

вания трудных и напряженных тренировок. Максимум может подвести человека, минимум — никогда. Минимум заставляет человека надеяться только на себя, не дает ощущения надежности в лесу.

Трудности и принцип минимализма часто отражается и во фразах вроде «*А что тунгусу в лесу надо? Поняжку* (деревянная доска с ремнями для ношения груза в тайге. — В.С.) *одел, нож спички взял да и пошел*» (рис. 8).

Рис. 8. Алексей Алексеевич Ганюгин всегда берет с собой *поняжу*, когда отправляется в лес на охоту или поиск оленей. Перевал, Северобайкальский район, Республика Бурятия, осень 2007 года (фото В. Н. Давыдова)

Чем меньше подручных средств, тем выше уровень таежного мастерства. Например, охотник Григорий Марков пользовался большим уважением, так как может добыть рябчика камнем, ходить до зимы в резиновых сапогах и почти круглый год жить в небольшой самодельной юрте. Способности Григория высоко ценились другими охотниками, так как на такого человека всегда можно положиться в любой ситуации. Аркадий Лекарев также был известен своими навыками обходиться минимумом в лесу. Благодаря мастерству ходьбы в тайге и умению в ней ориентироваться Аркадий приобрел славу одного из самых опытных таежников. Простой набор инструментов и личный опыт — все, что нужно, чтобы выжить в тайге.

Этика минимализма также связана с этикой сохранения окружающей среды, хорошо известной этнографам, работавшим на Северном Байкале [Сирина 2012; Fondahl, Sirina 2006], что в некотором отношении повторяет экологическую этику и мировоззрение аборигенных народов Севера [Peterson 2001: 100–105]. Однако в случае северобайкальских эвенков присутствует специфический контекст, отражающийся на их отношениях с окружающей средой. Взять немного из леса означает оставить животным жизнь, которые продолжают ее в будущих поколениях. Человек должен обходиться малым, иначе можно говорить о том, что он не заботится о мире, в котором он живет. Нарушение принципа минимализма нередко осуждается. Например, сбор кедровых шишек железным *колотом* (железный молоток, которым ударяют по дереву) позволяет сбить их на землю, но приводит к травме деревьев. Данная практика рассматривается как хищническое отношение к природе, достойное осуждения. Местные жители в сезон сбора кедровых орехов пользуются менее травматичным для деревьев самодельным деревянным *колотом* (рис. 9). Также они собирают уже упавшие шишки (*наданку*).

Этика минимализма предусматривает щадящие инструменты, которые используются каждый день на охоте, рыбалке или при собирательстве. Чаще всего местные жители применяют инструменты и средства, которые эвенки называют «традиционными»: *понягу*, *тыяун* (посох), *като* (нож), спички, *калакачин* (котелок), ружье, сеть, удочку. Например, в ходе своей полевой работы мне не приходилось наблюдать использование взрывчатых веществ на рыбалке.

Минимум понимается как баланс в отношениях между человеком и окружающей средой. Если человек, имея минимум подручных средств, способен выжить в природной среде, то он доказывает

*Рис. 9. Использование колота для сбивания кедровых шишек.
Акукан, Северобайкальский район, Республика Бурятия,
осень 2007 года (фото В. Н. Давыдова)*

свою способность к жизни в тайге, поскольку таежник должен быть готов к любым испытаниям, лишениям и непредсказуемым ситуациям. С другой стороны, минимум ресурсов, которые человек забирает (исходя из идеала локальной этики, должен взять ровно столько, сколько нужно) из тайги, не нарушает естественного хода вещей в экосистеме.

Разумеется, минимум не поддается чисто математическому вычислению, поскольку это скорее ощущение, нежели логическая мыслительная операция. Нельзя сказать, что в соответствии с нормой минимализма нужно добыть столько-то медведей или лосей. Понимание минимума так же динамично, как и процессы, происходящие в окружающей среде. Ландшафт подсказывает решения самостоятельно, примерно таким же образом говорит о языке ландшафта Джулия Круикшанк [Cruikshank 1992, 1998, 2000]. Таежник понимает, где предел его удачи [Brandišauskas 2009]; это понимание основывается на чувственном восприятии физических возможностей ландшафта: *«Я всегда знаю, все — хватит, набрал свое. Иначе можно все выбить: и кабаргу, и сохатого, а кому такая охота впрок? Меру знать надо!»* — поделился со мной охотник Николай Малафеев.

Ощущение надежности пагубно и иллюзорно в тайге. *«В лесу всегда нужно быть наготове, нельзя расслабляться»*. Ощущение надежности можно отнести к достижениям позитивистской географии, поскольку человек-покоритель стремится установить свой порядок вещей и чувствовать себя комфортно, что маловероятно без чувства надежности, тогда как жители Холодной считают, что это ощущение может лишь помешать в лесу. Однажды Александр Ганюгин рассказал мне историю о том, как он и его друг позволили себе расслабиться в лесу, что чуть не стоило им жизни:

«Шли мы с Перевала, темно уже стало, мы идем, болтаем, болтаем, ничего не замечаем, как вдруг у самой дороги как что-то начало фырчать. Это медведь нас почуял, а мы его и не заметили бы. Ваня схватился за духовую винтовку. Кого! Я ему сказал, что если он выстрелит, я с ним погибать не собираюсь и деру дам. Так медведь и не нападет, может, ягод и шишки полно, а если его ранить, то все — конец. Ну и перепугались мы».

Кроме концентрации, важным навыком в тайге считается способность переносить трудности лесного пути. Денис Шангин поделился своими ощущениями от трудностей, которые он переживал в лесу:

«Идешь, идешь в гору, рюкзак сзади тащишь, тяжело, плохо и думаешь, скорей бы на гору подняться и пойти вниз, спина болит — сил нет. Как дойдешь до вершины и пойдешь вниз думаешь, скорей бы уже спуститься и начать вверх подниматься!»

Трудности, с которыми местные жители сталкиваются в лесу каждый день, принцип минимализма в отношениях с окружающей средой составляют этику, отличную от колониального проекта, где скорее господствует принцип максимализма: максимальное извлечение пользы из природной среды, надежда на высокие технологии в процессе извлечения природных ресурсов и управление человеческими, максимальный уровень развития региона в рамках административных стандартов. В этом месте сталкиваются два различных понимания отношения человека и окружающей среды. С одной стороны, ориентир на максимальный предел возможностей манипулирования окружающей средой, с другой — этика минимума как баланс в понимании окружающей среды и взаимодействия с таковой.

Современный проект развития Северобайкальского района основывается на позитивистском подходе и предлагает извлечь максимум из предполагаемых работ как для предпринимателей, так и для местного населения. Основной тезис, поддерживающий проекты разработки полезных ископаемых на Северном Байкале, — о необходимости предоставления рабочих мест. Высокий уровень безработицы как в районе, так и в селе — основной аргумент в пользу позитивистской логики в построении отношений «человек—природа». Предполагаемые рабочие места должны снизить уровень безработицы и, соответственно, повысить уровень благосостояния местного населения. Однако понятие «благосостояние», так же как и дискуссии о рабочих местах, подвергаются неоднозначным интерпретациям. С одной стороны, рабочие места — это оптимистическая модель энвайронментальных менеджеров. С другой стороны, местные жители хорошо помнят, как в 1970-х годах при образовании таежного геологического поселка Перевал пострадала экосистема региона, особенно реки Холодная. Как утверждают местные жители, после закрытия этого поселка в начале 1990-х годов в результате распада Советского Союза хариуса в реке не было еще долгое время — около десяти лет. Можно сказать, что мнения жителей Холодной относительно перспективы развития региона неоднородны. Ситуацию усложняет позитивистская перспектива энвайронментальных менеджеров, которую они с легкостью переносят на местное население.

Действительно, на вопрос социологической анкеты «Нужно ли создание новых рабочих мест в регионе?» практически каждый житель ответит положительно. Однако в последующем изыскании выясняется, что менеджеры проектов индустриального развития и местные жители вкладывают в этот вопрос совершенно разные смыслы. Под работой предприниматели понимают лишь процесс, в которой вовлечены они сами. Иными словами, если местные жители нуждаются в рабочих местах, значит, автоматически они нуждаются в открытии горно-обогатительного комбината в тайге, что может быть понято как «голос народа», декларирующий «за» предлагаемую линию социального развития региона. Однако смысл, который вкладывается в понятие «рабочие места» местными жителями, гораздо шире и предполагает более сложный подход. Рабочие места для местных жителей — это возможность взаимодействия с государством, при котором не будут нарушены выстроенные отношения с окружающей средой. Более того, трудоустройство не всегда напрямую связывается с разработкой полезных ископаемых, но также соотносится с работой в школе, детском саду, занятием спортом, пошивом одежды и другими видами деятельности. Границы безработицы подвижны, поскольку основным и самым надежным источником жизнеобеспечения является тайга и разные способы отношений с ней. Экологический компромисс (компенсация за урон в виде стабильной зарплаты) — не совсем верное понимание того, как видят эту проблему холоднинцы. Одномерная интерпретация общественного мнения может приводить к ошибочным и поспешным решениям.

В данном разделе принцип минимализма рассматривается как баланс отношений между человеком и природой. В отличие от представленного подхода, М. Саллинз [Sahlins 2004] писал об «истинно процветающем обществе охотников». Концепция Саллинза во многом основывается на том, что охотники довольствуются материальным достатком, который не поддается сравнению с низкими жизненными стандартами [Ibid.: 2]. Необходимо отметить, что под низкими жизненными стандартами разные ученые могут понимать совершенно разные явления. Если для Саллинза низкий уровень потребностей связан с невозможностью следовать по пути западных обществ и ценностью свободного времени, то для эколога Морана [Moran 2006: 150–177], например, стремление к минимализации потребностей рассматривается как перспективная стратегия социально-экологических отношений. В частности, он пишет о том, что

если бы все страны попытались достичь такого уровня благосостояния, какой существует в Великобритании, то понадобились бы ресурсы четырех планет типа Земли. Более того, снижение потребностей представляется ученому необходимостью, к которой должны прийти западные общества. Моран говорит о том, что не существует прямой корреляции между доходом и счастьем и предлагает переосмыслить эти категории [Ibid.].

Таежники Северобайкальского района принимают этику минимализма в отношении с тайгой как обоснованную стратегию, где знание леса и опыт охотника невозможно приобрести, не имея в личной биографии историй о перенесенных тяготах и ситуациях, когда человек мог сильно пострадать или даже расстаться с жизнью. Этика минимума понимается как инструмент, с помощью которого человек может выжить в лесу, а также как отношение, которое поможет человеку сохранить природу. Человек, не переживший тягот и не сумевший справиться с ситуацией в лесу, используя весьма ограниченные ресурсы, не считается надежным и опытным охотником.

Между логикой и этикой

Место встречи разных логик и стратегий постоянно возникает там, где есть интересы и перспектива перемен. Такие поля пересечений очень важны для антрополога, поскольку от научной экспертизы может зависеть очень многое. Тайга и этики тайги, представленные различными группами акторов, являются полем пересечения интересов и представлений о взаимодействии человека и окружающей среды. И колониальная история в разные промежутки времени, и формы локального знания отражаются на интерпретациях отношений с окружающей средой и практиках выживания в ней. Научные теоретические дискуссии и аксиомы, безусловно, влияют на политические процессы. Развитие позитивистской философии в ряде научных дисциплин показало, насколько принципы научного изыскания и вера в науку могут менять общество и влиять на жизнь локальных сообществ. Современная научная рефлексия отношений человека и окружающей среды, особенно коренного населения России, оказывает слабое влияние на политические процессы. Понимание научного метода в целом продолжает базироваться на разнообразных версиях позитивистского подхода. Те методы социального развития, которые предлагают современные

энвайронментальные менеджеры на различных уровнях, не всегда в состоянии рассмотреть за паттернами лояльности причины, побуждающие эвенков Северобайкальского района соглашаться с предложенными стратегиями. Современная научная рефлексия (обратно позитивизму), к сожалению, недостаточно авторитетна для политической сферы, где принимаются решения относительно динамики локальных сообществ. Локальные экологические этики и формы знания недостаточно «красноречивы» для того, чтобы полноправно участвовать в процессе принятия решений относительно природной среды, в которой они появились.

Здесь мне хотелось бы вернуться к диалогам Федосеева и Лангары. Поскольку колониальный взгляд не видит ничего, кроме логических рассуждений, релевантных собственной системе координат и своему представлению о благе, а иным формам мышления остается только один путь — лояльность и представление своего видения как оригинальной, но не враждебной локальной философии жизни.

И Федосеев, и Лангара — убежденные и мудрые персонажи, искренне желающие блага и добра всем, как и предполагал советский романтизм того времени. Однако логика Федосеева риторически не может быть поставлена под сомнение, тогда как рассуждения Лангары принимаются автором только лишь в моменты соприкосновения и соучастия логике развития и прогресса. Лангара понимает, что пришло время других богов и другой жизни, но она буквально выпрашивает пядь автономии, где есть место и ее смысл. Такой компромисс встречает поддержку, так как Федосеев как советский испытатель понимает временность этой автономии и уважает приверженность пожилого человека прошлому.

На взгляд автора, повесть Г. Федосеева прекрасно иллюстрирует эпоху (кстати, отличную от эпохи царской России, когда северобайкальские эвенки имели право получать доход от аренды своих земель русскими или пользоваться своими земляными угодьями по своему усмотрению, что накладывало отпечаток на их отношения с русскими [Забелин 1930]), когда эвенкам приходилось сквозь лояльность находить место своим представлениям о мире. Сейчас все изменилось. Постколониализм — господствующая перспектива мышления как в социальных науках, так и в политическом поле. Индигенные элиты ряда западных стран представляют собой сильную политическую структуру, способную влиять на важные решения, особенно если речь идет об окружающей среде. Антропологи

все чаще говорят о значимости локальных форм знания, опыте коренных народов, который также ценен, как и знание, полученное строгими научными методами. Однако риторика колониализма постоянно видоизменяется, и проекты социального развития зачастую основываются на привычных схемах, работающих по инерции. Так или иначе ценности логического позитивизма в социальных проектах часто не пересматриваются, а воспринимаются как само собой разумеющееся, в то время как локальные практики выживания и деликатные принципы взаимодействия с окружающей средой не всегда очевидны и находятся за горизонтом однонаправленного колониального понимания блага, которое обеспечивает «понимающего» полноправной властью менять мир.

Энвайронментальный менеджмент также должен отвечать принципам взаимного понимания и деликатного толкования отношений между человеком и окружающей средой и уметь прислушиваться и учиться у людей, в жизнь которых он внедряется. Для жителей Северного Байкала лесная этика — это глубинное и каждодневное вовлечение в ландшафт, который наделен способностью говорить сам за себя и говорить с людьми. Ландшафт отнюдь не является благосклонной субстанцией [Brandišauskas 2009], и чтобы выживать, людям приходится находить разные способы построения отношений с окружающей средой. Этика глубинного вовлечения и минимализма направлена на понимание того, как ландшафт способствует появлению особых практик и людей. Мы не склоняемся к географическому детерминизму, хотя грань между ним и пониманием ландшафта как порождающего культуру и человека феномена действительно очень тонкая. Ремарка Лангары относительно перспективы, где эвенки получают лишь «прогрессивное образование», здесь как нельзя лучше объяснит разницу: «Да и зачем тут такие люди!» [Федосеев 1976: 51, 52].

Этика тайги — очень сложное явление, которое вбирает в себя и политические перемены, и социальную память, и практики, а также групповую идентичность и индивидуальность. Логика колониальной этики покорения в конечном итоге должна уступить место локальной чувствительной этике, где воля человека формируется в динамике отношений с окружающей средой, а личность человека и образ природы являются результатом деликатных отношений, где человек и окружающая среда неразрывно связаны друг с другом.